

- *Информатизация современного общества в ракурсе социально-философской рефлексии*
- *Творчество как предпосылка и одна из составляющих инновационного развития организации*

УДК 008

Информатизация современного общества в ракурсе социально-философской рефлексии

Е. В. Фролова, аспирант*

Статья посвящена анализу процесса информатизации современного общества, его позитивным и негативным последствиям в ракурсе социально-философской рефлексии.

The process of informatization modern society through the prism of social-philosophical reflexion

E. Frolova, Postgraduate Student

This article is dedicated to the analyses of the process of information in the modern society; it's positive and negative consequences through the prism of social-philosophical reflexion.

Конец XX — начало XXI в. ознаменовали собой эру стремительного развития комплекса отраслей информационно-коммуникационных технологий. Данная тенденция объективно связана с проникновением этих технологий во все сферы жизни общества, будь то повседневная жизнь или производство, обучение или сфера развлечений. Повсеместное использование компьютерных систем обработки данных, отличающихся высокой производительностью и технической надежностью, появление новых систем аккумуляции и передачи данных на большие расстояния дают все основания говорить об отсутствии каких-либо преград, сдерживающих передачу информации, знаний от одного субъекта к другому. Указывая на данные особенности современной социодинамики, нельзя не отметить важность и актуальность исследования процесса информатизации общества, который влечет за собой как позитивные, так и негативные последствия. Исследованием этого процесса на сегодняшний день занимаются многие научные дисциплины, такие как социология, политология, философия. Однако эффективность междисциплинарных схем анализа требует философско-методологической проработки данного феномена. В связи с этим целью данной статьи

и является попытка очертить проблемное поле такого социально-философского анализа информатизации общества и обозначить наиболее очевидные направления его эвристического влияния на иные формы и жанры ее исследования, как в дисциплинарных, так и междисциплинарных его версиях.

Для реализации поставленной цели необходимо: проанализировать влияние информатизации на социокультурную среду; определить роль информационно-коммуникационных технологий в современном пространстве культуры; и, наконец, выделить основные противоречия современной информационно-коммуникативной среды.

В 1970-е гг. информатизация становится ключевым фактором НТР. В связи с этим происходит осмысление того, что технико-технологические параметры развития начинают превалировать не только над социокультурными, но экономическими и политическими факторами социодинамики. Ряд мыслителей, в частности О. Тоффлер, пришли к выводу, что современность — конец XX в. — это совершенно новый этап в развитии общества и что это новое состояние своим появлением обязано развитию технологий хранения, передачи и обработки информации, поскольку именно они и их использование придают всем процессам, протекающим в обществе, небывалый динамизм и разнообразие [1, с. 56]. При этом для понимания сущ-

* Научный руководитель — проф. А. И. Зеленков.

ности нового общества (чаще всего новые технологические и социальные трансформации обозначаются общим термином «информационное общество» или в культурно-историческом ракурсе — «информационная эпоха») важно то, что информатизация формирует материальную среду жизни человека и служит основным средством трансформации межличностных отношений, социальных и культурных практик. С одной стороны, новые технологии играют решающую роль в промышленном производстве, а с другой — компьютеры, мобильные телефоны, кабельное и спутниковое телевидение стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей, начали во многом определять особенности социальной и культурной коммуникации, осуществляемой с помощью информационных технологий.

Ключевая роль в новом обществе отводится информации и электронным средствам, обеспечивающим техническую базу ее применения и распространения. Телекоммуникационные средства создают техническую возможность для создания насыщенного информацией социокультурного пространства, которое практически постоянно и повсеместно окружает современного человека. Потоки информации, умножающиеся в геометрической прогрессии, требуют повседневного использования информационно-телекоммуникационных технологий для нормальной жизнедеятельности [2, с. 108].

Новые технологии обеспечивают необходимый объем социальной памяти, в которой сохраняются произведенные смыслы, а также позволяют наращивать систему коммуникации. Расширение возможностей для коммуникации создает предпосылки для новой организации общества. По мере расширения сети Интернета и мобильной телефонии целые сферы человеческой деятельности стремительно переносятся в поле дистанционной коммуникации. Изменяется привычный порядок взаимодействия как на уровне институтов, так и на уровне индивидов, участвующих в интеракциях, то есть новые технологии превращаются в основание системы коммуникаций современного общества. Трансформируются основные категории, в рамках которых люди до сих пор мыслили и действовали, — пространство и время, труд и досуг, предприятие и национальное государство. Как и любая революция, революция в сфере коммуникаций вытесняет привычные формы работы, общения, образования, развлечений, властных диспозиций и замещает их новыми, что вызывает ситуацию дисбаланса в культуре.

Одним из значимых последствий информатизации является формирование информационно-

коммуникативной среды (инфосреды), которая выступает как средство, позволяющее осуществлять социокультурные функции в современном обществе. Инфосреда — это средство коммуникации, не сводимое к способам передачи фактических сведений [3, с. 7]. В этом смысле она порождает новые смысловые конфигурации, новые типы сообщений. Основной особенностью инфосреды стало формирование новой пространственно-временной организации социокультурной жизни общества. В социокультурном пространстве общества инициируется ряд процессов и тенденций, способных значительно его трансформировать. Речь идет прежде всего о глобализации, фрагментации, индивидуализации и виртуализации этого пространства.

Глобализация является феноменом XX столетия. Технологические новшества — системы теле- и радиовещания, спутниковая коммуникация, мобильная связь и компьютерные сети — сыграли важную роль в процессе ее становления. В наше время впервые наблюдается не имеющая аналогов в истории множественность форм глобальной коммуникации и трансляции. Новые технологии обладают уникальной способностью выводить человека за пределы непосредственной сферы его социокультурной деятельности, актуализировать интерес к вопросам, имеющим планетарное звучание. В связи с этим Э. Гидденсом глобализация определяется как интенсификация распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые связывают удаленные места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот. Он рассматривает глобализацию как прямое продолжение модернизации, считая, что современности внутренне присуща глобализация. Поскольку модернизация, согласно Гидденсу, заключается в автономизации социальных отношений от локальных условий взаимодействия, то распространение действия деконтекстуализирующих институтов на весь мир логично считать продолжением модернизации в форме глобализации [4, с. 165].

Но глобальная коммуникация в условиях технологической гегемонии Запада создает асимметричный доступ к информационным каналам и неравномерное распределение производства медиапродукции в разных странах. Такое положение оказывает влияние на распространение культуры, а именно доминирование западных культурных образцов в информационных потоках. Проведение демаркации между понятиями глобализации, связанной с наступлением информационной эпохи, и вестернизации как давления со стороны за-

падной цивилизации на все остальные культурные типы является актуальным и обоснованным, так как смешение глобализации и вестернизации на самом деле носит идеологическую направленность, призванную выдать один тип цивилизации как единственно подлинный и современный.

Однако не случайно И. Валлерстайн делает вывод о том, что унификация мирового порядка по-американски вызывает сопротивление. Он указывает на антизападную, направленную против современного образа жизни реакцию в виде фундаментализма, неонационализма и движения в защиту окружающей среды [5, с. 48]. Не случайно глобализация, ведущая к стиранию национальных границ, влечет за собой одновременно и реконструкцию отдельных форм традиционного образа жизни или, напротив, конструирование нетрадиционного образа жизни.

Это объясняет, почему О. Тоффлер, анализируя проблемы информационного общества, прежде всего обращает внимание на фрагментацию социокультурного пространства. Процесс фрагментации связан с увеличением скорости внедрения всего нового. Новые технологии ускоряют процесс движения общества к разнообразию. В современном обществе происходит отход от централизованного распространения информации, что становится возможным благодаря замене традиционных СМИ средствами массовой коммуникации на основе Интернета. Последние обеспечивают совершенно новые возможности общения. Если телевидение — это коммуникативная система с односторонней связью, то сетевые компьютерные технологии дают возможность для двустороннего, интерактивного общения людей в режиме реального времени.

Результатом фрагментации коммуникативного пространства является мозаичность культуры современного общества. Понятие мозаичности возводится в один из главных принципов всей современной культуры, утверждающей себя на основе отрицания значимости времени и пространства в их традиционных формах. В современном обществе культура «рассыпается», превращаясь в мозаику случайных, плохо связанных между собой и структурированных смысловых пространств. Мозаичная культура воспринимается человеком в виде кусочков, выхватываемых из омывающего его потока сообщений. Новое представление культурных образов формируется в виде несвязанной, непостоянной, логически не сформированной информации. Универсальный мир культуры предшествующих эпох распадается на бесчисленное множество разнородных культурных сегментов, и в этой пестрой мозаике уже невозможно вы-

делить нечто устоявшееся и абсолютное. Как отмечает З. Бауман, «... для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа... Сегодня мы живем проектами, а не Проектом» [6, с. 73].

Новая культура характеризуется временными образами (блипами или клипами). По сути дела, человек живет в «блипкультуре». Вместо длинных «нитей» идей, связанных с другим, — «блипы» информации: объявления, команды, обрывки новостей, которые не согласуются со схемами. Новые образы и представления не поддаются классификации — отчасти потому, что они не укладываются в старые категории, отчасти потому, что имеют странную, текучую, бессвязную форму [7, с. 246].

Ведущие теоретики постструктурализма Ж. Делез и Ф. Гваттари пришли к выводу, что в современном обществе налицо тенденция дробления социальных макрообразований с устоявшимися и определенными культурными стереотипами на малые группы со своей локальной культурой и маргинальными интенциями. Фрагментируется и социальная структура общества. Некогда монолитные социальные образования (классы, нации) распадаются на подвижные социальные группы. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в современном обществе идет формирование малых групп, которые они назвали «племенами», обладающих собственной «племенной психологией» и в общей сложности образующих «племенную культуру», интегрированную на уровне групповой солидарности. Это является еще одним подтверждением реальности процессов культурной мозаичности современного общества [8, с. 337].

Фрагментация отражается не только в культурной мозаичности. Ряд западных исследователей (З. Бауман, У. Бек и др.) пришли к выводу, что фрагментация, связанная с дроблением социальных макрообразований, ведет к индивидуализации общества, т. е. человек, вступая в те или иные социальные группы, становится носителем новой групповой идентичности. От прежних она отличается тем, что более или менее осознана в категориальной плоскости индивидуального интереса. Один из наиболее авторитетных западных исследователей данной проблематики З. Бауман считает, что современное общество вообще носит индивидуализированный характер. В подобном обществе, по его мнению, люди пребывают в состоянии нарастающей тревоги и растерянности, рушатся связи социальной и межперсональной солидарности, пустеет пространство общественно-политической активности [9, с. 37].

У. Бек в своем анализе индивидуализации отталкивается от констатации антропогенных опас-

ностей для человечества, которые приобрели характер «цивилизационных угроз» [10, с. 25]. Факторы, порождающие эти угрозы, «растворены» в самом поступательном потоке модернизации и выходят из-под контроля привычных норм, институтов, процедур. В результате люди пытаются реагировать на возникающие риски индивидуально, усиливая собственную разъединенность и социальную неравномерность распределения рисков и выгод модернизации. Индивидуализация, считает Бек, подрывает способность социума противостоять опасностям, генерируемым его собственным развитием.

При всех различиях дисциплинарных подходов западные исследователи сходятся в описании «индивидуализированного общества» как охваченного и пронизанного чувствами неуверенности и тревоги. Ситуация нарастающей зыбкости, незащищенности перед неясными угрозами, размытостью перспектив создает атмосферу «радикальной неопределенности». Распространению тревоги способствуют многие факторы. Один из них – подрыв веры в науку, «кризис науки». Как считает Бек, науки (в их современном виде) совершенно не в состоянии адекватно реагировать на цивилизационные риски, поскольку в высшей степени причастны к их возникновению и росту [10, с. 32].

В конце 90-х гг. XX в. развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к тому, что на передний план вышла специфически новая форма передачи и восприятия данных, связанная с использованием технологий виртуальной реальности. В этом случае инфосреда предполагает социальное взаимодействие, которое с помощью современных средств мультимедиа создает иллюзию непосредственного присутствия в любой точке реального и вымышленного мира. Именно новейшие информационные технологии послужили импульсом к «началу экспансии виртуальной реальности» [2, с. 111].

Некоторые исследователи считают виртуальную реальность новой сферой бытия, а формой существования виртуальной реальности – пространство, созданное техническими средствами при помощи персонального компьютера. Технически «виртуальная реальность» обозначает особым образом приспособленные компьютеры, дающие пользователю интерактивное стереоскопическое изображение и звук. Виртуальная реальность – в некотором роде синтез техники и человеческого воображения.

Однако понятие «виртуальная реальность» употребляется и в контекстах, далеко выходящих за области информатики и компьютерной техники. Так, вошли в обиход такие, еще до недавнего

времени бывшие «нереальными», сочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная демократия», «виртуальное обучение», «виртуальная игрушка» и тому подобные. Глубина проникновения виртуальности в повседневную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» социального и культурного пространства общества. В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии начинают выступать в своей виртуальной ипостаси, которая в целом сводится к: 1) анонимности коммуникации в информационно-коммуникационной среде, что ведет к неподконтрольности и уходу от надзора традиционных социальных институтов; 2) возможности игры с ролями и построения множественного «Я», что вызывает утрату определенности и устойчивости личности в социокультурной реальности и требует от человека постоянного включения в различные социокультурные дискурсы; 3) максимизации возможностей любого рода конструирования, поскольку императив виртуализации утверждает власть образа, имиджа. Перенос значительной части социальных взаимодействий в информационно-коммуникационную среду затрудняет контроль над ними со стороны тех или иных социальных институтов. Во многом это связано с фактом «размывания» статусных позиций в виртуальных сетевых организациях, с исчезновением привычных «ответственных лиц», на которые можно было бы оказывать то или иное социальное давление [11, с. 39].

Процессы глобализации, фрагментации, индивидуализации и виртуализации, связанные в значительной степени с распространением новых технологий, формируют в современном обществе новый социокультурный феномен – информационно-коммуникативную среду. Социальные взаимодействия в условиях глобализации во все большей степени осуществляются с использованием инфосреды, имеющей тенденцию к виртуализации. Реальные взаимодействия между реальными субъектами все чаще замещаются виртуальными отношениями между виртуальными субъектами.

В мире современной информатизации и коммуникации можно выявить также и ряд парадоксов. Первый из них состоит в том, что информационное общество стремительно воспроизводит «общество ничего не знающего». Это связано с тем, что «высокая» и «низкая» культура поменялись местами. В огромном коммуникационном пространстве возникла проблема потери смыслов, так как информационный мир – это всецело обыденного и банального, а смыслы, в свою очередь, встраиваются в систему различных культурных кодов, идеологий, технологий и манипуляций. Носители современной ин-

формации (каста «знающих») способны подменять и искажать знание, заменять одну реальность другой, порождая бессмысленности.

Второй парадокс информационного мира заключается в возможности утраты «модерным» обществом своей лидирующей роли. Это вызвано разрушением связей между «верхом» и «низом» и между различными возрастными стратами. Деформация связей разлагает ткани всего общества. Молодое поколение стремительно теряет представление об окружающей реальности и своем месте в ней. Сжатие информации в границах Интернета упраздняет значимость урбанизации, позволяет заниматься работой «на дому», что ведет к преобразованию социальных отношений и человеческой ментальности. Оказалось, что насыщение информационного пространства автоматически не вызывает повышения организованности социума, поскольку виртуальная среда создает возможности для асоциальной коммуникации.

Третий парадокс – управление системой, активированной «на вершине» и лишенной сигналов «снизу». В сети такое управление не может быть в принципе. Но информационные технологии вписаны в вертикали власти. Однако любое управление нуждается в коррекции снизу, опирающейся на граждан, на формы их самоорганизации, на то, что называется институциональной средой общества. Информационные технологии и властные доминанты создали разрыв не только между социальными стратами, но и соответствующими институтами, породив кризис управленческого сознания (потерю здравого понимания действительности). Этой «болезнью» страдают многие политики, военные, олигархи, представители «золотого миллиарда». Игнорирование «низа» приводит к социальным кризисам и культурным разломам [12, с. 171].

Четвертый парадокс информационного мира заключается в актуализации момента времени и создании пространства «вневременья», акцентировке на настоящем. Современные медиа формируют установку на «здесь и сейчас», направленную на выработку внеисторического сознания, что в конечном счете обесмысливает и настоящее.

Интернет-технологии, формирующие пространство компьютерной глубины и «социальные сети», открытые для доступа вне времени и пространства, повлияли и на понимание социального. Точка «исчезновения» социального, бытие «здесь и сейчас» соприкоснулись с безвременностью бытия. Существовать в двух измерениях – социально-информативном и массовом, индивидуально-информационном и личностном («безвременье сети») – задача невыполнимая.

Пятый парадокс – разведение понятий «деятельность» и «делание». Практику человеческой деятельности сменила практика «делания». Современные новости, имиджи, политика «делаются», а публичная сфера – «изготавливается». У «делания», в отличие от деятельности, также отсутствует историческое время. Кроме того, изготовленная «коммуникация» уничтожает проблему коммуникации как морального отношения людей, редуцируя субъекта до уровня объекта – носителя информации, или «вещи», используемой в информации.

Информационно-коммуникативные технологии привели к шестому парадоксу. Внедрение новых технологий породило два разнонаправленных скачка: к интеграции человеческого сообщества как социальной общности, связанной «всемирной паутиной», и к дезинтеграции социального и появлению «кастового» и «атомизированного» общества. Системные медиа способны объединить людей земного шара вокруг «значимых событий»: экологических проблем, цен на нефть, политических конфликтов и т. д. Но, актуализируя мировые события дня, при всей своей универсальности и технологичности они связывают людей весьма условно.

По сути, связи между людьми нет, есть ее иллюзия, складывающаяся под влиянием общности эмоций. СМИ формируют вектор общественных эмоций, настроений и так называемую «символическую толпу». Она возникает как результат информационных влияний и проживает аффективную жизнь под воздействием определенных психических установок. Образы и страсти порождают сегодня одну публику, завтра – другую, послезавтра – третью и т. д.

Рождение и исчезновение «символических публик», способных к коллективному восприятию, но не способных к взаимодействию, создает ощущение преходящего характера социальных связей, которых в символических медийных общностях реально нет, рождает разочарование и пустоту. От экспрессивной общности человек возвращается в свой «атомарный футляр».

Таким образом, возникновение нового типа культуры в условиях становления глобального информационного общества связано прежде всего со следующими изменениями:

– в характере доступа, хранения и передачи информации. Современные поисковые системы по заданным словам за секунды находят нужный фрагмент в потоке информации, сопоставимой с книгой в 700 страниц. В настоящее время широко оцифровываются тексты, визуальная и звуковая информация. Создаются электронные библио-

теки, художественные порталы. Происходит объединение вербальной, визуальной и звуковой информации. В результате этого появился новый тип информационных ресурсов — мультимедиа. Исследователи дают следующее определение данному феномену: «Мультимедиа — это совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности»;

— в способах коммуникации, которые характеризуются их принципиальной интерактивностью. Новая информационная культура касается прежде всего уникальности личности. В процессе интерактивных компьютерных коммуникаций появляются новые возможности для повышения творческой активности человека;

— в самих кодах (символах), с помощью которых в процессе коммуникации транслируется накопленное знание и усваивается новое. В культуре, основанной на письменной фиксации информации, кодирование опиралось на принципы системности, детерминизма, объективности. Культура информационного общества основывается на возможности одновременного выбора нескольких вариантов кодирования, восприятия и творческой переработки информации. Отсюда — возникновение понятия «гипертекст» как определенной нелинейной последовательности фрагментов текста, находящихся на разных уровнях и соединенных гиперссылками. Главной характерной чертой гипертекста является отсутствие непрерывности — т. е. возможности «прыжка», неожиданного перемещения позиции пользователя в тексте.

Трансформации, происходящие в информационно-коммуникативном поле современной культуры, свидетельствуют о закреплении в обществе различных ее форм. На их основе выстраивается новая организация антропосоциокультурных систем. Под влиянием глобализации в обществе формируется отличная от ранее существовавших культурная парадигма. Одной из таких форм нового типа культуры является компьютерная виртуальная реальность.

Интернет как социокультурный феномен сложен и противоречив. С одной стороны, он открывает невиданные до сих пор возможности коммуникации, получения и хранения информации. С другой, многим дает возможность находить го-

товые ответы на сложные вопросы, что приводит к уменьшению роли самостоятельного творческого мышления в культуре. Новизна ситуации проявляется и в том, что в современной культуре одновременно сосуществуют два противоречивых явления: процессы глобализации способствуют формированию глобально мыслящего субъекта исторического процесса, но в то же время в результате действия множества разнообразных факторов усиливается фрагментарность личности.

Вот почему новые глобальные информационные технологии не просто открывают невиданные ранее возможности для развития человека, но одновременно ставят перед человеком и культурой сложнейшие проблемы общеполитического характера.

Список цитированных источников

1. Тоффлер, О. Третья волна / О. Тоффлер. — М., 2002. — 776 с.
2. Карпинский, В. В. Социально-культурные последствия информатизации современного общества / В. В. Карпинский // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Я. Ку-палы. Сер. 1. — 2008. — № 2. — С. 108—113.
3. Селиверстов, В. П. Социокультурный механизм в условиях слома цивилизаций / В. П. Селиверстов // Вестн. Белорус. гос. ин-та проблем культуры. — 2005. — № 1. — С. 7—13.
4. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — М., 2004. — 358 с.
5. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем: системное видение мирового сообщества / И. Валлерстайн. — М., 1998. — 214 с.
6. Бауман, З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социол. журн. — 1995. — № 4. — С. 70—83.
7. Масленченко, С. В. Киберкультура и молодежь: потенциальные векторы взаимовлияния / С. В. Масленченко // Управление защитой информации. — 2007. — Т. 2, № 2. — С. 245—249.
8. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делез. — М., 1990. — 353 с.
9. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М., 2005. — 258 с.
10. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000. — 315 с.
11. Бирин, С. В. Изменение системы искусственного интеллекта для управления экономикой на макроэкономическом уровне / С. В. Бирин, В. Я. Асанович, Н. И. Хо-лод // Вестн. БГЭУ. — 2002. — № 2. — С. 38—43.
12. Проудкин, Д. Е. Проблемы формирования информационной культуры / Д. Е. Проудкин // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. — 2007. — № 3. — С. 169—173.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.06.2009 г.